

**АЛЁНА
КИРСАНОВА**

ручная кладь

роман

**РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К43

Дизайн переплета Елизаветы Корсаковой

Кирсанова, Алёна.
К43 Ручная кладь : [роман] / Алёна Кирсанова. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 218, [6] с. — (Современницы).

ISBN 978-5-17-181093-1

Алёна Кирсанова — прозаик, драматург. Родилась в 1989 году в Новосибирске. Ее дебютный роман вошел в длинный список премии «Лицей», а пьеса была особо отмечена независимым фестивалем драматургии «Любимовка».

Героиня автофикшн-романа «Ручная кладь» после двух лет жизни в другой стране отправляется в путешествие по значимым для нее местам: Санкт-Петербург, Новосибирск, Кызыл и Сарыг-Сеп, — чтобы увидеть близких и разобраться в истории своей семьи. Она хочет увезти с собой вещи, которые напоминали бы ей о доме, но в конце концов понимает, что уедет с одним рюкзаком, как истинная кочевница. Только, в отличие от своих предков, уже цифровая.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-181093-1

© Кирсанова А., текст
© Корсакова Е.М., дизайн
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Рюкзак

9

A9-785, Тбилиси (TBS) —

Санкт-Петербург (LED)

22

Грушевый пирог

30

«Парк Монрепо»

40

Магнит на холодильник

49

Пиала для чая

56

S7 5006, Санкт-Петербург (LED) —

Новосибирск (OVB)

71

Крестик

76

Папин свитер

95

Multifora

108

S7 5381, Новосибирск (OVB) — Кызыл (KYZ)

122

Шаль бабы Кати

131

Тувинский чокопай

144

Трасса А162, Кызыл — Сарыг-Сеп

160

Яблоки

166

Сушеное мясо

182

Камень из Енисея

204

S7 5388, Кызыл (KYZ) — Новосибирск (OVB)

214

Я стою на мосту Метехи в центре Тбилиси и плачу под новую песню Монеточки*. Мимо ходят туристы с лимонадами в руках, останавливаются сделать селфи, смеются и болтают на разных языках — я слышу их даже через наушники. Воскресенье, начало июня. Солнце светит празднично, бликует на воде, но не жарит. Идеальный день.

Мои очки-хамелеоны потемнели, и слез за ними не видно, хотя толку от этого мало: все равно губы дрожат, а нос покраснел. Но туристам плевать, и это хорошо.

Я медленно дышу и почти успокаиваюсь, но тут Монеточка сообщает, что «уже роди-

* Включена в реестр иноагентов Министерства юстиции РФ.

лась та девчонка, что нам пробьет на досмотре билеты», и вот я снова рыдаю. Кошмар.

Кошмар, как это банально — плакать над последним альбомом Монеточки. Все эмигранты так делают, а я ведь даже не называю себя эмигранткой. Да и вообще, тоску по дому я оставила в Батуми, еще в прошлом году, а это что-то физиологическое, как смеяться от щекотки: мне не грустно, но плачется автоматически от любого текста про дом, не обязательно даже хорошего. Бесит.

Песня в наушниках заканчивается, с ней заканчивается альбом, и приложение запускает похожее, какую-то незнакомую русскоязычную группу. Я ставлю ее на паузу и роюсь в медиатеке. Слезы тоже на паузе.

РЮКЗАК

«У тебя дом там, где кот», — заметил недавно Тёма, и, возможно, так оно и есть. Не знаю, обдумую это в дороге.

Через час я поеду в аэропорт, чтобы на месяц улететь в Россию: увидеться с мамой, бабушкой и друзьями, выполоть траву на могилах родственников, забрать с собой истории, фотографии и важные для меня вещи. Собрать себе по кусочкам еще один дом, настоящий. Он должен быть крепким, вросшим фундаментом в землю, чтобы выдержал пять, десять, да хоть сотню этажей, которые я хочу достроить сверху. Надежный дом, которому не страшны ни дождь, ни ураган, ни серый волк. Был у меня такой когда-нибудь?

Времени мало, пора собираться, но вместо этого я зарываюсь лицом в спящего кота. Он мурлычет и лижет мне висок, язык-липучка цепляется за волосы, и мокрая прядь падает на щеку. Я тут же вытираюсь краем покрывала — пахнут кошачьи слюни так себе. Кот тянется и снова сворачивается в клубок, а я иду наконец собирать рюкзак.

Мой рюкзак — идеальное комбо. По размеру и дизайну — нормальный городской, минималистичный, но при этом с фишками спортивного: у него есть грудная стяжка, вентиляция спины и два сетчатых кармана по бокам для всего подряд. В них я складывала зонтик, мусор, недоеденную шаверму, мокрый соленый купальник, бутылку шампанского, рулон бумажных полотенец и шлейку для кота.

Внутри большой основной отдел, в который можно запихнуть целый плед или одежду на неделю, и несколько дополнительных карманов — но не слишком много, не заблудишься. Там можно при желании навести порядок, но хватает места и чтобы устроить хаос и неожиданно через полгода или год обнаружить где-то в недрах наклейку с котиком.

ком из любимой питерской бургерной, полароидную фотографию с бывшей коллегой, ручку «Наблюдатели Петербурга», ски-пасс из Красной Поляны и стамбульскую транспортную карту.

Мой рюкзак — для бутылки айрана и продуктов на завтрак; для розовых лопающихся помидоров из ближайшей лавки; для прогулок по своему городу, когда нужно взять с собой большие наушники и книжку; и для коротких вылазок на природу, где пригодятся бананы, бутерброды и побольше воды или чая. А еще — для аэропортов и поездок в другие страны.

Тут я немного лукавлю, простите. Для поездок в другие страны мне редко хватает одного рюкзака, но сейчас я еду не в обычную другую страну — я еду в Россию. Там есть друзья — они напоят вкусным кофе, так что мне не нужно везти с собой зерно и аэропресс. Там есть мама и ее дача, где наверняка до сих пор висит у двери моя куртка, а в шкафу завалился старый купальник. Там есть «Вайлдберриз», «Ламода», «Озон» и «Яндекс.Маркет», где я могу заказать все, что не влезло в рюкзак. Вот, к примеру, носки — они как раз

износились, осталось всего три или четыре пары.

Первые полгода в Грузии — тогда мы еще жили в Батуми — у меня тоже было только три пары носков, и я чуть ли не каждый день ставила напоминалки, чтобы вовремя их постирать, но все равно забывала. Из-за этого частенько приходилось надевать в ботинки пару летних, совсем коротких, они сползали с пятки и сминались под ногой в твердый комок, жесткие края ботинок оставляли на лодыжках саднящие полосы, тогда уже не имели значения горы в персиковой дымке, соленый запах с примесью мазута и гниющих водорослей, музыка в наушниках и крики чаек — неудобные носки затмевали всё вокруг.

В чем была проблема купить еще носков? В коммуникации. В менеджменте. В рисерче. Во всем, что я так ненавидела и чем часами занималась на работе и после работы, когда пыталась открыть счет в банке, получить застрявшую на таможне посылку или попасть к врачу по страховке. Конечно, иногда я все-таки пробовала решить эту проблему, даже несколько раз спрашивала у гугл-переводчика, как по-грузински будет «носки» и «36-й раз-

мер», чтобы поговорить с продавцами на рынке, но так и не смогла запомнить.

И тут я снова лукавлю: чтобы купить носки в Батуми, грузинский язык не нужен, почти все продавцы хоть как-то говорят порусски. Но и это казалось проблемой: было что-то неправильное в том, что я, гостья, свободно говорю здесь на родном языке, пока собеседник подбирает слова и падежи. Куда комфортнее было бы использовать нейтральный английский, но такой опции рынок не предлагал.

Спас меня *H&M*. Летом мы с мужем приехали на выходные в Тбилиси, где и прошлись по магазинам. Я взяла простую футболку и уже несла на кассу, но в двух шагах от нее заметила лоток с носками и остановилась. Как и на рынке, носки лежали кривоватыми рядами: короткие и длинные, светлые и темные, однотонные и в полоску. Выбрав две большие упаковки, я сказала на кассе несколько фраз на английском, расплатилась и без лишних разговоров вышла из магазина.

Носки оказались удобными, но непрочными: через год круг замкнулся и от десяти пар снова осталось только три. Я вытаскиваю

их из ящика, сворачиваю рулетиком, кладу в рюкзак и отправляюсь в ванную собирать косметичку. Кремы для лица, зубная щетка, тушь, тональник и пенка для волос, ровно сто миллилитров. Шампунь и кондиционер раздобуду на месте: я не стриглась семь месяцев, ни с каким шампунем мои волосы не будут выглядеть ни хорошо, ни даже аккуратно — просто приемлемо.

Где-то на кухне звонит телефон. Мама. Спрашивает, как у меня дела, все ли успеваю, и просит скинуть номер рейса до Питера и следующего — из Питера в Новосибирск. Показывает бабушку на диване: та отмахивается, велит маме не отвлекать меня от сборов, а ее — от сериала, все равно скоро увидимся. Она всегда так, не любит долго разговаривать со мной по телефону, даже с видео. Мы и правда скоро увидимся, и я действительно тороплюсь, так что мама желает мне хорошо долететь и отключается.

Бабушке восемьдесят пять лет, и больше половины из них у нее серьезные проблемы со здоровьем. Сколько себя помню, она всегда прощалась со мной в слезах, обнимала слишком крепко и приговаривала: «Дай бог еще

увидимся, дай бог». Прощались мы всегда ранним утром перед рассветом, у меня гудела голова, в животе тяжело лежал завтрак, который я не хотела, но заставляла себя съесть перед долгой дорогой. Я была слишком сонной, чтобы переваривать еду и сложные эмоции, не находила слов и мычала в ответ что-то абстрактно-утешительное. «Ну баба, ну ты чего». Бабушка долго держала меня в объятиях, я неловко обнимала ее в ответ и удивлялась, какая мягкая у нее спина и какие крепкие твердые пальцы. Мы прощались будто бы навсегда, а через год или больше я приезжала снова и бабушка со слезами обнимала меня уже при встрече.

Когда мы виделись в последний раз, она не плакала. Приобняла, сказала «с богом» и отпустила. Через год мама рассказывала по телефону, что бабушка перестала выговаривать слова, врач диагностировала прединсультное состояние и назначила курс капельниц. Они помогли. Еще через несколько месяцев все повторилось: сбивчивая речь, онемение, капельницы. Теперь я боялась, что увижу ее, но уже не смогу с ней поговорить. Она не расскажет, как красиво цветет лен в тувинских полях